

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 15 (1372)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ИСЭРТ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Майкла Макфола «Стив Бэннон – Наш Дугин в Белом Доме», опубликованная на сайте «Эхо Москвы» 02 февраля 2017 года.

Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/mcfaul/1921062-echo/>

Вологда
февраль 2017

Стив Бэннон – Наш Дугин в Белом Доме

Майкл Макфол

директор институтат международных исследований Стэнфордского университета, бывший посол США в России

Шесть месяцев назад практически никто никогда не слышал это имя – Стив Бэннон. Сегодня это один из самых могущественных людей в мире. У мистера Бэннона есть идеологические убеждения, а сейчас еще и власть для кардинальных изменений в США и во всем мире. Его идеи и влияние могут быть на руку российским политикам в ближайшее время, но создать сложности, если не нанести ущерб, российским интересам в долгосрочной перспективе.

Что касается его идей, у нас нет необходимости догадываться, во что верит и чего желает Бэннон. Мы знаем, что он думает как издатель Breitbart News. И это пугает. Многие российские аналитики слишком упрощают разделение в американской политической жизни – как разделение на прагматиков-республиканцев, и идеалистов-демократов. Но Бэннон другой. Как отметили многие влиятельные республиканцы, его идеи имеют мало общего с традициями Республиканской партии. Он идеолог, настроенный враждебно как к республиканцам, так и к демократам. Бэннон поддерживает националистические идеи, в которых явно прослеживается этнический контекст. Недавно он, оправдываясь, заявил: «Я не «белый националист», я националист. Я экономический националист». Но его более ранние заявления, как и многие статьи, опубликованные на его веб-сайте, содержат не только гражданский, но и этнический национализм.

Он и его сподвижники-революционеры называют свою идеологию «альтернативно-правой», фраза, которая используется для того, чтобы отделять их направление консервативного национализма от более традиционных правоцентристских идей. Он верит в превосходство Америки и американской нации, и эта нация должна бороться с этническими угрозами, включая первую и самую главную – мусульмане, находящиеся как за пределами США, так и внутри страны, составляющие «пятую колонну» симпатизирующих исламу, которые якобы набирают силу в американском правительстве и американских СМИ. Он описывает идеологическую борьбу между американской нацией и ее врагами, используя резкие, манихейские термины.

В дополнение к этому Бэннон не пытается восстановить консерватизм, скорее, он хочет обрушить существующий режим и создать, по его собственным словам, «новый политический порядок». Он говорил с любовью о Ленине и о других антигосударственных, революционных фигурах. В ноябре 2013 года он сказал: «Ленин хотел разрушить государство, это и моя цель тоже... Я хочу с треском разрушить все, и уничтожить сегодняшний истеблишмент». Та фраза Трампа про «осушить болото» – идея Бэннона.

И вот этот радикальный идеолог сейчас сидит всего лишь за несколько дверей от Овального кабинета. Редакция New York Times 31 января 2017 года озаглавила свой аналитический материал о его быстром возвышении таким образом: «Президент Бэннон?» Его восхождение к власти в ближайшем окружении Трампа поразительно. Идеологическое влияние Бэннона отчетливо заметно в пугающей, темной иннаугурационной речи Трампа, которая не имела ничего общего с идеями Джорджа Буша-старшего, Джорджа Буша-младшего или Рональда Рейгана. Запрет на въезд в страну для мусульман также считается идеей Бэннона, которая стала президентским указом без обсужде-

ния с другими новыми сотрудниками администрации. И те, кто внимательно следит, кто на каких позициях в окружении Трампа, отметили, что Бэннон присутствовал на завтраке с премьер-министром Великобритании Терезой Мэй, а советник по национальной безопасности Майкл Флинн – нет.

Когда Трамп звонил Путину, Бэннон слушал этот разговор, сидя в Овальном кабинете. Когда президент Обама впервые позвонил президенту Медведеву в январе 2009 года, в его офисе находились три человека из его команды по национальной безопасности, включая меня, и больше никто. Еще больше поражает, что Трамп сейчас назначил Бэннона постоянным членом Совета по национальной безопасности, в то же самое время понизив директора национальной разведки и председателя Объединенного комитета начальников штабов. Раньше они были участниками совещаний Совета национальной безопасности с президентом, а теперь их присутствие возможно только когда требуется их экспертное мнение. Это эквивалент того, как если бы Путин назначил Александра Дугина в Совет безопасности, и при этом сказал генералу Бортникову и генералу Герасимову, чтобы они приходили только тогда, когда будут нужны.

На английском мы говорим: «If there's a will there's a way» («Было бы желание, найдется и возможность»). У Бэннона серьезные желания, и сейчас, когда он сидит в Западном крыле [Белого дома – прим. ред.], он имеет и серьезные возможности.

В краткосрочной перспективе восхождение Бэннона к власти принесет выгоду российским национальным интересам. Внутренний конфликт, хаос и разобщенность, которые его идеи уже вызвали в американском обществе, это преимущество для России. Мы разделены, смятены, заняты своими проблемами. Путин выигрывает от ослабления международного присутствия США.

Во-вторых, Бэннон ищет поддержку среди думающих, как он, несистемных националистов в Европе. Его английские приятели уже отпраздновали большую победу с референдумом по Брексит (Brexit). Если его идеологические союзники победят на предстоящих выборах в Нидерландах, Франции и Германии, европейские институты, такие как Евросоюз и НАТО, будут ослаблены. Это тоже преимущество для Кремля. Выраженное презрение альтернативно-правых к Ангеле Меркель особенно бросается в глаза, и, на мой взгляд, угрожает американским национальным интересам.

В-третьих, Бэннон, по крайней мере поверхностно, видит идеологическое сходство с Владимиром Путиным, а также с другими российскими националистами вне правительственных кругов. Как Бэннон говорил в 2014 году, «Иудо-христианский Запад действительно должен обратить внимание на то, что он (Путин) говорит о традиционализме – в частности о том, где это поддерживает основы национализма, – и я также думаю, что индивидуальный суверенитет страны – вещь хорошая и сильная».

Для тех, кто исповедует идеи альтернативных правых, Путин является уважаемым мировым лидером, Путин считается якорем международных антилибералов. Нужно вернуться в 70-е, чтобы вспомнить время, когда Кремль наслаждался такой мировой идеологической привлекательностью.

Однако в долгосрочной перспективе Бэннон и его вид национализма могут создать проблемы для Путина и российских национальных интересов.

Во-первых, непредсказуемая, идеологизированная, противящаяся статусу кво администрация Трампа может сделать США сложным партнером в международных отношениях, и возможно даже безрассудным игроком за рубежом. Исторически таким националистам нужны внешние враги, они часто инициируют войны, чтобы увеличить электоральную поддержку в своей стране. Сейчас слишком рано предполагать, выберет

ли администрация Трампа такую стратегию. К примеру, я все еще рассчитываю, что мой бывший коллега по Институту Хувера, министр обороны Джеймс Мэттис добавит немного балласта, прагматизма и стратегического мышления команде Трампа, как только он займет место напротив Бэннона на заседаниях Совета национальной безопасности. Однако первые несколько недель Трампа были очень изменчивыми в области внутренней политики. Что случится, когда Трамп и Бэннон столкнутся со своим первым международным кризисом?

Во-вторых, накануне первой мировой войны мы видели, что повсеместный рост национализма вызвал столкновения между государствами. Бэннон верит строго в принцип «America First», «Америка прежде всего». По определению это значит, что Россия должна быть второй. Бэннон хочет возглавить «проамериканское движение», которое может иногда идти вразрез с пророссийским движением.

Более того, альтернативные правые видят мир сквозь этнические, религиозные термины, а не геополитические; они не говорят о балансе сил. Они надеются, что Трамп сможет отвлечь Путина от его тесных отношений с Ираном и Китаем. Этот взгляд – идея некоего белокожего, священного христианского альянса против всех остальных – наивное, опасное, неверное понимание приоритетов внешней политики Путина. Зачем Путину обрывать крайне эффективные партнерства с Китаем и Ираном, чтобы присоединиться к США в их расово-мотивированной революционной борьбе со всем остальным не христианским, не белым миром? Путин слишком прагматичен для этого.

В-третьих, национализм у Бэннона (если не брать во внимание российских националистов, которым не нравится Путин и политика Кремля) отражает этнические темы и отдает анти-истеблишментом, что расходится с путинским пониманием национализма. В заявлении Белого дома в День памяти Холокоста страдания евреев не были упомянуты. В Кремле никогда так не сделали бы. Более того, после семнадцати лет у власти Путин стал частью истеблишмента. Он вернул консервативные ценности и не хочет революционных изменений в своей стране. Бэннон хочет разрушить истеблишмент везде и перевернуть статус кво. Если Бэннон начнет финансировать зарубежные организации, они не будут либерал-демократическими, это будут антисистемные националисты. Это не в интересах ни Путина, ни остального мира.

К счастью, администрации Трампа всего две недели. Пока что у Бэннона есть огромная власть для продвижения его радикальных идей, но еще слишком рано говорить о его долгосрочном успехе. Вся его дурная слава последних дней, на самом деле, может начать раздражать его босса, который сам любит быть в центре внимания. Я надеюсь, что в обозримом будущем президент Трамп повернется к нему и скажет: «Ты уволен».

Материал подготовлен специально для «Эха Москвы».

Перевод с английского: Алексей Соломин

Редактор: Кира Тверская